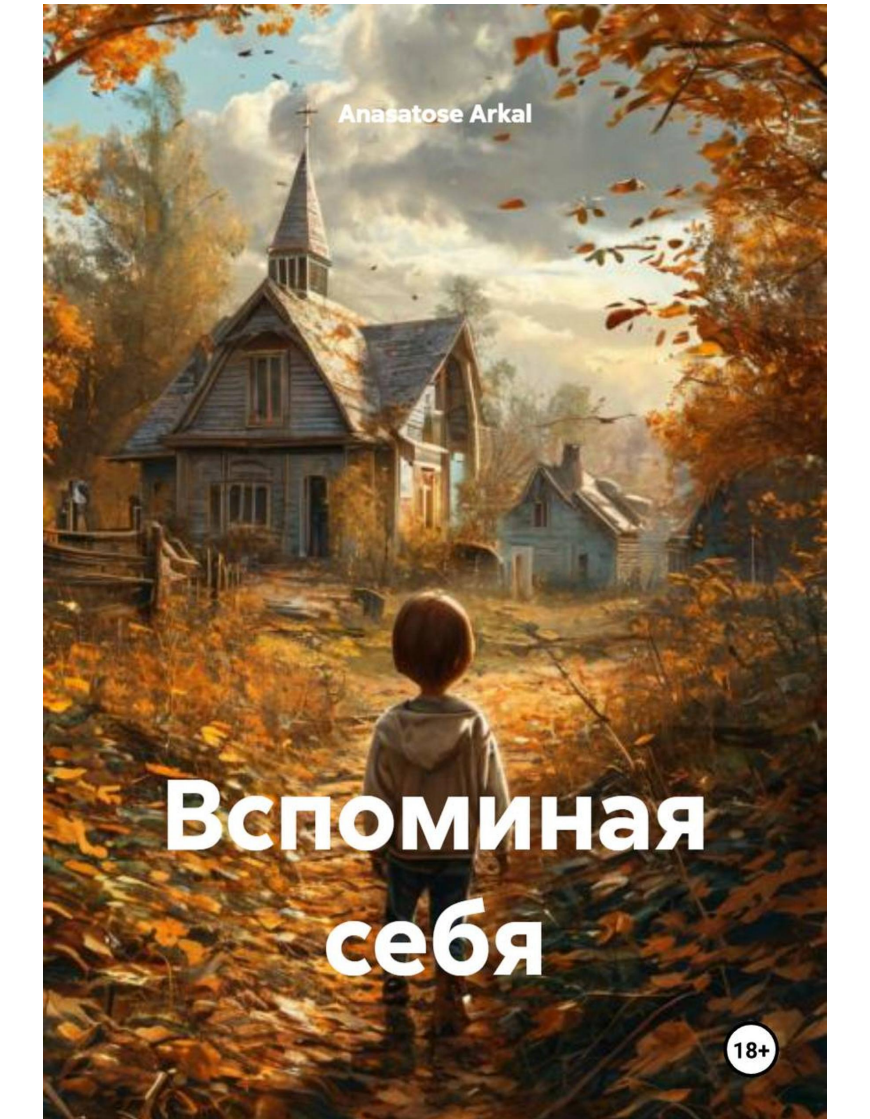

A painting of a child walking away from the viewer down a path covered in fallen autumn leaves. In the background, there is a large, weathered wooden church with a steeple and a cross. To the right, there are smaller, similar-looking houses. The scene is framed by trees with vibrant orange and yellow autumn foliage. The sky is filled with soft, white clouds, and the overall lighting is warm and golden, suggesting late afternoon or early morning. The style is reminiscent of a classic oil painting.

Anasatose Arkal

Вспоминая себя

18+

Anasatose Arkal

Вспоминая себя

<https://litres.ru/73919384>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир детства... Сколько бы лет ни прошло, а мы всё равно помним достаточно ясно некоторые фрагменты того времени, когда были детьми. Те воспоминания, коими мы наполнены и которые никогда не уйдут...

Случайная компания, с которой пережил невероятное по остроте ощущение.

Обстоятельства, сделавшие тебя личностью.

Тоскливое время пребывания в больнице, когда столкнулся напрямую с первой серьёзной драмой.

Этот небольшой сборник - попытка взглянуть на себя маленького глазами взрослого, уже другого, человека, но всё ещё того же самого, которым когда-то был. Это размышление о себе.

Содержание

Ванна	4
Иммунитет	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Anasatose Arkal

Вспоминая себя

Ванна

Было время, когда мир умещался в пределах двора, а главной свободой было право гулять. Хотя и гулял я всегда один. Я им дорожил, этой солёной пылью на губах от ветра с пустыря, ощущением, что за тобой никто не наблюдает. И вот в один из таких дней, когда небо было особенно чистым и грустным, я их встретил.

Они вышли, будто из трещины в самой реальности. Не плохие — нет, слово «плохие» слишком простое. Они были другие. Владик и Стасик, близнецы, говорившие полусловами, понимавшие друг друга с полусмеха. Кирилл, весь сжатый, как пружина, с взглядом гопника-философа, в котором читалась скука и готовность к любой дичи. И Алина — девочка с кукольным лицом и стальным огоньком в глазах, которой, видимо, наскучили куклы, и она пришла поиграть в живых людей.

Они приняли меня не как друга, а как любопытный артефакт — «одиночка с нашего массива». Погуляли, посмеялись. А потом, между делом, будто предлагая пойти за хлебом, Кирилл выдохнул идею: «Есть заброшка. Там металла...

как грязи. Сдадим — бабла на тусу хватит».

Это был не вопрос «хочешь?». Это был ритуал. Испытание. Если откажешься — ты пустое место, скучный ребёнок, который так и будет шаркать по дворам один. А если согласишься... ты становишься частью тайны, частью чего-то большего. Главное правило которой звучало железно: «Родителям — ни слова. Никогда.» Это было даже не из страха наказания, а из солидарности. Взрослые бы не поняли. Они бы всё испортили своим «разумным» взглядом на вещи.

Заброшенный дом пах пылью, смертью и возможностью лёгкой наживы. Мы рыскали, как шакалы, выковыривая из стен обрезки труб, срывая старые краны, вырывали проводку. Хаос превращался в добычу. Апофеозом стала найденная в сарае стальная ванна — наш «ковчег», в который мы сложили всё наше железное богатство.

И понесли. Четверо пацанов и одна хрупкая девочка, вцепившись в ледяные борта монстра. Мы кряхтели, спотыкались, ноги вязли в земле. Сто метров дались ценой сведённых мышц и хриплого дыхания. До приёмки было ещё двести. Мир сузился до этого груза и жгучего желания его таки донести.

Мы не дошли.

Крики пришли со стороны холма. «Эй! А ну стоять!» — голос был взрослый, злой и слишком близкий. Взрыв паники. Старая ванна с оглушительным лязгом рухнула на землю, выплеснув на дорогу наш краденый клад.

«В рассыпную!» — кто-то выкрикнул, и компашка взорвалась, разлетевшись, как осколки гранаты.

Мир превратился в сюрреалистичный квест. Я нырнул в ближайшую балку, заросшую лопухами и крапивой. Сердце стучало в висках, перекрывая все звуки. Я лежал на спине прислушиваясь, глядя в узкую полоску неба между стеблями, и видел, как каждые несколько десятков секунд над гребнем холма возникали силуэты наших преследователей. Они не бежали, они методично прочёсывали местность, как егерь. Это было унижительно и страшно.

— Вон он! — выкрикнул один из дядек.

Я бежал потом так, как не бегал никогда — не чувствуя ног, с лёгкими, полными огня. Дома, захлопнув дверь, я долго сидел, просто глядя в стену, пока ритм сердца не вернулся в норму.

Минут через сорок минут, когда казалось, что худшее позади, я позвонил Кириллу. Он отозвался шёпотом, полным статики и ужаса: «Я в трубе. В ливнёвке. Темно. Бл...».

Близнецов нашли только на следующий день — они отсиделись в сарае у знакомого алкаша. Алина, не имевшая телефона, сама вышла на нас через день — бледная, молчаливая, но целая.

Мы встретились, отдышались, посмеялись уже нервно, истерично. Но что-то было сломано. Волшебство тайны испарилось, остался только привкус реальной опасности и осознание нашей дикой глупости. Больше мы не собирались.

Никогда.

С тех пор в авантюры я не лез. Но иногда, спустя много лет, я ловлю себя на мысли, что вспоминаю не страх, не стыд, а невероятную, кристальную остроту того дня. Остроту жизни, которая была через край, остроту братства по несчастью, остроту того самого «страшного секрета», который и сделал нас на миг не просто детьми, а участниками невероятной, своей собственной саги.

Пусть и саги о том, как мы тащили ванну.

Иммунитет

Моими главными усилиями были не часы за учебниками и не пробитые в отчаянии стены. Моим главным, самым трудным и самым важным достижением стало вот что: мне стало пофиг.

Да, вот так просто и так сложно.

Я помню школьные времена. Помню этот фон: «Ты плохо учишься», «Кривой почерк», «У того-то получается лучше». Мир тогда казался сборником чужих оценок.

Но время шло. И что-то во мне щёлкнуло. Я построил щит. Не из злости, не из желания доказать. Из тихого, железного «мне без разницы».

У тебя есть своё мнение? Отлично. Оно твоё. Живи с ним.

У меня — своё. И я буду жить с ним.

Те, кто меня знают, скажут: я не унижаю других. Никогда. Мне без разницы на дефекты — мы все неидеальны. Без разницы на цвет кожи, на чужие умения, на толщину кошелька. У каждого — свой путь. Своя жизнь. И я слишком занят своей, чтобы выносить вердикты по чужой.

Хотел стать фотографом. И я снимал. Для школ, для городской газеты, для администрации. Нравилось это кому-то или нет? Мне не говорили. Но снимки — брали.

Хотел писать. И я пишу. Хорошо или плохо? Я не знаю. Но я знаю, что есть те, кому это нравится. И мне этого достаточно.

И знаешь, что самое смешное? Когда ты строишь этот внутренний щит, когда ты начисто отрубашь в себе желание выглядеть «правильно» в чужих глазах — мир меняется.

Осуждение куда-то испаряется. Вместо него приходит помощь. Понимание. Настоящие люди, настоящие друзья. А те немногие, кто всё ещё пытается сказать «А оно тебе надо?» или «Наиграешься и забросишь»... Ну, ты знаешь мой ответ.

Мне пофиг.

Это моя жизнь. Мой единственный и неповторимый эксперимент. И я буду делать в ней то, что считаю нужным. Не ради того, чтобы кому-то что-то доказать, а просто потому, что я так хочу. И этого — более чем достаточно.

Так что моё «везение» — оно не в удачном стечении обстоятельств. Оно — внутри. Это удача обрести внутренний покой и силу говорить «пофиг» всему, что пытается украсть твой интерес к собственной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.